

УДК 811.161.1:821.161.1

Н. Э. Мурзич

РОЛЬ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В МОДЕЛИРОВАНИИ ХРОНОТОПА РАССКАЗА Ю. БУЙДЫ «ПО ИМЕНИ ЛЕВ»

Рассматривается формирование хронотопа рассказа «По Имени Лев» на основе семантического потенциала антропонимов главного героя. Прослеживается роль оппозиции «правый» / «левый» в моделировании пространства и времени текста.

92

This article addresses the chronotope formation in the short story Of the name of Lev on the basis of the semantic potential of the main character's anthroponyms. The author considers the role of the left-right opposition in the modelling of space and time in the text.

Ключевые слова: Ю. Буйда, антропонимы, языковая семантика, базовые оппозиции, символ, хронотоп.

Key words: Yu. Buida, anthroponyms, language semantics, basic oppositions, symbol, chronotope.

Проза Ю. Буйды представляет собой своеобразное поле языковой и смысловой игры. Важными элементами игрового взаимодействия в этом поле являются имена собственные, которые у Буйды полисемантичны и обладают текстообразующей функцией. В рассказе «По Имени Лев» из книги «Прусская невеста» имя и фамилия главного героя, парикмахера По Имени Лев, формируют оппозицию *левый* / *правый*, которая организует как сюжет произведения, так и его пространственно-временной континуум.

Герой одноименного рассказа обладает прозвищным именем, его полное имя читатель узнает лишь в конце произведения, оно начертано на его памятнике: «По Имени Лев. Лев Исаакович Регельсон». По Имени Лев работает парикмахером. По воскресеньям в городке бывает футбол («Таков закон!» [3, с. 30]), где герой исполняет роль судьи — «бога-распорядителя» [3, с. 31]. Однако после назначенного пенальти в ворота Яшки Боя (Котя Клейн в своей штрафной площадке коснулся мяча рукой) отношение к нему меняется. Жители городка четко разделяются на «тех, кто считал Котю нарушителем правил (таких было ничтожное меньшинство), и тех, кто винил во всем Льва» [3, с. 33]. Одни считали, что Лев прав, а другие — что неправ.

Обращение к игровому полю языка проявляется как в имени героя, так и в фамилии.

При этом и имя и фамилия персонажа реализуют «правый» компонент вышеназванной оппозиции, который на игровом уровне выявляет семантику жизни, но одновременно и «левый» компонент, который относится к понятию смерти. Имя *Лев* семантически взаимодействует с текстом рассказа. Данная лексема совпадает с гипотетическим кратким

прилагательным *лев* от полной формы *левый*. Если Лев был неправ, значит, он «левый» («лев»). С другой стороны, пари, заключенное между Львом и Котей, о том, что у Коти правая рука отсохнет, если он был неправ (то есть «лев»), определяет Льва как правого, так как рука у Коти все-таки отсохла. Таким образом, за Львом правда. Фамилия также вступает в игровые взаимодействия с именем и с текстом рассказа. Отмечается, что Лев всегда был справедлив: «С ним никто никогда не спорил. Никто. Никогда. Он всегда был справедлив. Как воплощение закона. Это все знали. В этом никто не сомневался. Даже он сам» [3, с. 32]. Лексема *справедливый* (в нем. *regelmässig*) [6, с. 173] устанавливает связь на игровом уровне уже с фамилией персонажа — Регельсон. Наряду с этим фамилия связывается и с нем. *rege* ‘живой, оживленный’ [6, с. 173]. С другой стороны, компонент *Регель* созвучен названию реки *Прегель* (у слияния двух рек — Прегеля и Лавы — и стоит городок). История этой реки очень загадочна: еще во II веке н. э. Птолемей писал о реке Хрон (Хронос), и некоторые ученые считают, что он имел в виду Прегель. Таким образом, прежнее название реки Хрон/Хронос, отсылающее к понятию времени, организует временной континуум рассказа.

В фамилии персонажа присутствует также и семантика «праволевого». Разделение фамилии на две составляющих — *Регель* и *сон* — дает возможность выявить игровые стратегии, связанные со второй частью антропонима. Составляющая *сон* — рефлекс нем. *Sohn* ‘сын’, но в игровом пространстве отсылает к русск. *сон*. У Буйды сон в качестве ключевого понятия входит в концепцию творчества: «Писатель — это сновидец» [3, с. 8]. В предисловии к «Прусской невесте» писатель говорит: «Я жил в вечности, которую видел в зеркале. Это была жизнь, которая одновременно была сновидением. Сновидения созданы из того же вещества, что и сны» [3, с. 7]. Исходя из этого, в представлении Буйды сон порождает слово, текст. В анализируемом рассказе своеобразно задействована метафора *жизнь есть сон*. По Имени Лев является парикмахером, а значит, действительность, подобно самому писателю, он видит именно в зеркале. В мифопоэтике «левый» связан со смертью, а «правый» — с жизнью. Первая, фантомная могила Льва — «восьмая *лева* на седьмом холме» [3, с. 34]. В пространственной организации «Прусской невесты» само кладбище располагается по левую руку.

В цикле рассказов Буйды предстает мир «свой» и «чужой» — тот, который за оградой, за границей. Репрезентантом границы в городке является река. Если перейти через мост, то кладбище окажется по левую руку («неправую»). По мнению А. Барковой, «необходимость мифологической защиты от “чужого” мира порождает образ “мировой ограды” как воплощения сил Порядка в противоположность иномирному Хаосу. “Мировая ограда” может представляться горами, но чаще всего — рекой, отделяющей мир живых от мира мертвых» [1]. Таким образом, левый маркирован как «чужой», а правый — как «свой».

Однако отображение в зеркале устанавливает взаимооборачиваемость левого и правого. Путь справа налево задается у Буйды движением солнца. В начале рассказа утверждается: «Солнце восходит на востоке — таков закон». При ориентации по географической карте получает-

ся, что солнце встает справа и движется налево, т. е. восток — правый, запад — левый. Однако в древнегерманском языке мы видим противоположную картину: западный маркировался как правый, а восточный — как левый. При этом в праиндоевропейском языке ориентированность справа связывалась с южной стороной и, соответственно, слева находился север [5, с. 56]. Таким образом устанавливается четырехмерное членение пространства. По Юнгу, на уровне коллективного бессознательного организация пространства отражена в модели мандалы. Она представляет собой круг с вписанным в него квадратом, в центре которого — еще круг, а в центре последнего — Бог [2, с. 171]. Подобное устройство пространства мы находим и в рассказе «По Имени Лев». Футбольное поле есть не что иное, как прямоугольник, включающий в себя круг. Судья По Имени Лев является «богом-распорядителем». Семантику круга вносит в рассказ и образ лаврового венка размером с автомобильное колесо, преподносимого Льву игроками и зрителями. В то же время в рассказе педалируется семантика кругового движения. Она задается ситуацией передачи кубка по кругу: «После этого из шкафчика, где хранились награды, извлекался вместительный кубок, заполнявшийся до краев водкой. Пили по кругу — игроки, директор фабрики...» [3, с. 31]. Этот обычай и футбольная игра в целом символизируют передвижение небесных светил по небу, т. е. циклический ход времени. Идея цикличности поддерживается и этимологическими данными. Слово *время* восходит к индоевр. корню **uert-* 'вертеть, вращать', т. е. двигаться по кругу.

Образование хронотопа рассказа осуществляется в результате преодоления границ между правым и левым через любовь и смерть. Это подтверждается межъязыковой игрой, где лексемы др.-англ. *winestra* 'правый' и лат. *sinister* 'левый' обнаруживают сходство звуковых оболочек. Родство между указанными прилагательными впервые отмечено Я. Гриммом [7, с. 43]. При этом *winestra* также созвучна лат. *Venus(-eris)* 'Венера, любовь'. Взаимооборачиваемость левого и правого реализуется через имя *Лев*, в нем. *Lowe*, графически близкое англ. *love* 'любовь'. Семантика любви находит отражение в другом имени собственном — гидрониме Лава. Кроме того, семантику любви и одновременно смерти на имплицитном уровне реализует отчество героя — *Исаакович*. Имя Исаак принадлежало библейскому герою, которого по велению Яхве Авраам должен был принести в жертву на горе Мориа, однако жертвоприношение остановил ангел. Лексема *Мориа* является анаграммой итал. *amore* 'любовь'. Имя же отца Исаака *Авраам* — неполная анаграмма слова *время*.

Преодоление левого и правого происходит также за счет стяжения их к центру. На имплицитном уровне По Имени Лев и прав, и «лев», однако на футбольном поле именно он находится в центре. Подобное же центральное положение он занимает и на фотоснимке, сделанном по завершении игры в футбол.

Прояснению моделирования пространства и времени способствует сопоставительный интертекстуальный анализ рассказа Ю. Буйды «По Имени Лев» и романа Льва Кассиля «Вратарь республики». В обоих произведениях на первом плане — герои-игроки, расхождение лишь в том,

что у Буйды Лев сначала был судьей и лишь в конце — вратарем, герой же Кассиля Антон Кандидов всегда исполнял роль вратаря. Двух вратарей сближает и их непобедимость. У Буйды создается ситуация бесчисленного количества желающих забить Льву гол: «По Имени Лев согласился, чтобы за Котю Клейна пробил любой желающий. Таких желающих нашлось немало: бил дед Муханов, была старуха Синдбад Мореход, не выпускавшая из рук авоську с пустыми бутылками, бил Кальсоныч... безрезультатно, никто не смог забить гол, а Лев даже не вспотел, лишь становился все бледнее» [3, с. 36]. У Кассиля есть подобное описание: «В какой угол они ни били, все равно там Кандидов встречал мяч в свои объятия» [4, с. 444]. Как у Буйды, так и у Кассиля пространство заполнено героем и организуется им. У Буйды игра начиналась по свистку судьи, т. е. Льва, «бога-распорядителя». У Кассиля ворота были заняты героем: «Это пространство как будто целиком занимал Антон» [4, с. 444]. В обоих произведениях значим мотив касания мяча рукой, после которого герой Буйды Котя Клейн заключает пари и не выигрывает: у него отсыхает рука. У Кассиля Антон произносит фразу: «*Усохнуть* (курсив наш. — Н. М.) мне на этом месте — ни одного мяча сроду не пропущу» [4, с. 461].

В произведениях обоих авторов разворачивается метафора *жизнь — игра*. Она поддерживается фразой персонажа Льва Кассиля Димочки Шнейса: «Жизнь надо разыгрывать» [4, с. 392]. И в рассказе, и в романе пространство организуется за счет кругового движения в игре. Если у Буйды это движение солнца, кубка, мяча, то у Кассиля круговое движение задает не только футбольная игра, но и винт глассера, на котором совершает плавание Евгений Кар, друг Антона. Семантика слова *винт* предполагает движение по кругу. Кроме того, идея кругового движения содержится в строках из «Спортивного марша» Лебедева-Кумача, которые звучат в эпилоге романа:

Эй, вратарь, готовься к бою!
 Часовым ты поставлен у ворот.
 Ты представь, что за тобою
 Полоса пограничная идет [4, с. 602].

Слово *бой* здесь игровым образом реализует разные свои значения. Одно из них имеет отношение к бою часов, что поддерживается далее лексемой *часовой*. Так круговым движением стрелок порождается и время, и пространство. Наряду с этим лексемой *пограничная* в четверостишии задается членение пространства на «свое» и «чужое».

Таким образом, Ю. Буйда посредством игровых стратегий через имя собственное Лев и его взаимодействия с явной и скрытой семантикой рассказа формирует пространственно-временной континуум произведения. С одной стороны, педалируются крайние члены оппозиции *правый / левый*, с другой стороны, они меняются местами и стягиваются в центральную точку. Пространство и время рассказа задаются также круговым движением (солнца, кубка, мяча), что, в свою очередь, приводит к сближению и совмещению правого и левого и к дальнейшему выходу в вечный круговорот жизни и смерти.

Список литературы

1. Баркова А.Л. Мифология: авторская программа. URL: <http://mith.ru/alb/mith/myth.htm> (дата обращения: 20.03.2011).
2. Берестнев Г.И. Языковые подходы к проблеме архетипов коллективного бессознательного // Языкознание: взгляд в будущее. Калининград, 2002. С. 164 – 183.
3. Буйда Ю. Прусская невеста. М., 1998.
4. Кассиль Л. Вратарь республики // Кассиль Л. Собр. соч.: в 5 т. М., 1987. Т. 1. С. 325 – 603.
5. Михайлова Т.А. О понятии «правый» и лингвоментальной эволюции // Вопросы языкознания. 1993. №1. С. 52 – 63.
6. Немецко-русский и русско-немецкий словарь. М., 1997.
7. Проскурин С.Г. О значениях «правый – левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // Вопросы языкознания. 1990. №5. С. 37 – 49.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-2196.htm> (дата обращения: 12.03.2011).

Об авторе

Наталья Эдмундовна Мурзич – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: natasha_murzich@mail.ru

About author

Natalya E. Murzich, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: natasha_murzich@mail.ru